ЛЕВ СЛАВИН

ИЗБРАННОЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есть писатели легкой судьбы. А есть – трудной. Все было у Андрея Платонова – талант выдающийся, обширная образованность, знание жизни. Одного не было дано ему: житейской ловкости.

- Лев Славин
  - ○

Лев Славин
Андрей Платонов

Есть писатели легкой судьбы. А есть – трудной. Все было у Андрея Платонова – талант выдающийся, обширная образованность, знание жизни. Одного не было дано ему: житейской ловкости. Но ведь отсутствие ее тоже украшает человека. Андрей Платонов был писатель трудной судьбы. А между тем по своей натуре он был человеком радостным. Даже в самые тяжелые для себя дни он сохранял светлый дух. Он жил с открытым сердцем. Как-то в нехороший для него период, в последний год его жизни, когда он тяжко болел, зашел я к нему. Он сидел в кресле с книгой в руках. Поднял голову. Вижу: его некрасивое, простонародное, прелестное лицо светится веселостью. Заглянет в книгу и тихо засмеется. Это был довольно известный в ту пору роман, отнюдь не юмористический, – наоборот, сугубо «проблемный». Спрашиваю:

– Что вас так смешит?

Он говорит:

– Знаете, если бы это было написано еще немножко хуже, это было бы совсем хорошо.

Это был смех удивления. Платонова поразили почти пародийные несообразности этой книги, и впечатление его тотчас вылилось в этих немногих, убийственно метких словах.

В пору своей молодости Андрей Платонов любил иногда поиграть словом и образом, попробовать свои силы по-озорному: «А дай-ка я сюда поверну сюжет…», «А дай-ка я толкану своего героя поступить этак…». И поворачивал, и толкал. Это были забавы силача. Сам Платонов писал о них через много лет:

«Я совершил несколько грубых ошибок».

К сожалению, за этими ошибками кое-кто не увидел большого, мужественного, честного художника.

В 1950 году Платонову после долгого молчания удалось выпустить книгу сказок «Волшебное кольцо» – благодаря Шолохову, который поставил свое имя как редактора на этой книге. Это пересказ народных сказок, сделанный великолепным русским языком.

Вообще русское, национальное было выражено в Платонове очень сильно. Выражалось оно, разумеется, не в том, что он носил косоворотки с расшитым воротом или разражался декламацией о любви к родине. Но в языке, в образности, в военной судьбе, в характере мышления, даже в говорке. Оно, это русское,

национальное, существовало в нем непроизвольно и естественно, как дыхание. Он всегда мне казался русским интеллигентом в самом чистом смысле этого понятия.

И вместе с тем кое-что в его писательском облике было родственно очарованию француза Экзюпери. И в этом нет ничего противоречивого: то, что по-настоящему национально, то по-настоящему и является общечеловеческим.

Своеобразным было отношение Платонова к природе. Инженер по образованию и по практической деятельности, он объединял цивилизацию и природу в одно разумное целое. Он писал в своей автобиографии:

«Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков».

Случайно, походя, в разговоре обнаруживались его обширные познания в естественных науках, в философской литературе.

В природе для него не было ничего противного. Даже червь, которого находит мальчик Егор из рассказа «Железная старуха», червь, который обычно вызывает ощущение гадливости, так изображен писателем:

«Червь дремал… от него пахло рекою, свежей землей и травой. Он был небольшой, чистый и кроткий, наверно детеныш еще, а может быть, уже худой маленький старик».

В одной из своих критических статей, которые, кстати, отличает не только глубина мысли, но и изящество формы, Платонов писал «о литературе, которая действовала бы «напрямую», то есть кратко, экономно, но с глубокой серьезностью излагала бы существо того дела, которое имеет изложить писатель».

Это и было одно из характерных свойств Платонова как писателя и стилиста: он прямо идет к цели, не позволяет себе уклониться от нее ни на миллиметр. Й он идет до дна, он беспощаден. Это толстовское свойство.

Энергия образности его временами поразительна. Вспомним старого паровозного машиниста из чудесного рассказа «Фро», которого перевели на пенсию, а он тосковал по работе и каждый день ходил в депо, и, пишет Платонов, «возвращался вечером худой, голодный и бешеный от неудовлетворенного рабочего вожделения».

Говорят о гуманизме Платонова, о его любви к людям и т.д. Да, конечно. Но забывают о его сатирическом даре, о мече, который он не выпускал из рук.

Когда Платонов пошел на войну, снова, как и вовремя гражданской войны, выяснилось, что он обладает обоими видами храбрости – и интеллектуальной, и физической.

Кажется, в сорок втором году я встретил его на Тверском

бульваре, у Дома Герцена, где он жил. Военная гимнастерка не щегольски, но ладно сидела на нем. Он приехал, помнится, из-под Ржева. Узнав, что я с Юго-Западного фронта, он встрепенулся:

– Ну как там, в Воронеже Ямская слобода? У нас или у немцев?

Это была его родина. Он потребовал, чтобы я рассказал ему, какие дома в Воронеже разбиты. Лицо его темнело во время моего «доклада». Он ни минуты не сомневался в нашей победе. Кстати, его корреспонденции с фронта принадлежат к тем немногим военным очеркам, которые живы и сейчас.

Андрей Платонович очень любил детей, и я не знаю, что может сравниться с его циклом «Рассказы о детях» – по силе, поэтичности, нежности, великодушию, глубине, – разве что рассказы того же Экзюпери.

И этому человеку, который так любил детей, суждено было пережить потерю сына. Он умер от туберкулеза на руках у Андрея Платоновича, успев заразить отца.

Человек создан для счастья. Но оно когда-то было так редко, что в писателе не накапливался запас жизненных наблюдений о счастье.

И Платонов изображал человека в трудных условиях существования и показывал, как все мужественное и светлое, что есть в человеке, напрягается и достигает блеска.

Последние годы Платонова были омрачены тяжкой болезнью.

Он вел себя мужественно.

Он даже открыл некоторые радости в ней.

Дело в том, что в эти горькие для него дни люди старались помочь ему. И Андрей Платонович радовался не только тому, что облегчили его существование, но и тому, что целая группа людей бескорыстно и деятельно заботилась о нем.

Он говорил:

– Если бы не моя болезнь, я бы так и не узнал о любви ко мне стольких хороших людей.

Это трогало его до слез.

В одном из военных очерков своих Платонов писал о том, «как нужно встретить и пережить смерть самому, как нужно умереть, чтобы сама смерть обессилела, встретив его». Не «смертию смерть поправ», а жизнью «смерть поправ» – вот философия Андрея Платонова.

1963